

Лексика эмоций как средство выражения представлений о нравственно-религиозном идеале в житийном тексте

*житие, лексика эмоций, нравственный идеал,
характерологическая функция*

На протяжении длительного времени агиография занимала важное место в системе жанров отечественной словесности. Житийные произведения на русской почве стали создаваться с самого начала возникновения древнерусской литературы и играли активную роль в литературном и шире – культурном процессе до XVII в. включительно.

В XVIII в. развитие русской житийной литературы замедлилось, новые тексты почти не создавались [Владимир (Швец) 2015: 97]. Состояние дел в этот период Г.П.Федотов сравнивает с «параличом», однако отмечает, что «Русская Церковь не засохла, духовная жизнь Ее не иссякла. Под почвой текли благодатные реки» [Федотов 2000: 228]. В этой связи исследование памятников агиографии этого периода необходимо и актуально как для воссоздания общей картины развития русской литературы, так и для решения вопросов о становлении и развитии русского литературного языка в целом.

В качестве источника для отбора фактического материала выступило относящееся к XVIII веку Житие преподобного Корнилия Переславского.

Жития преподобных представляют собой самый распространенный тип агиографических текстов [Руди 2006, 57: 431]. Преподобный – это разряд святых, подвиг которых заключался в монашеском подвижничестве. Монашеская аскеза как тип святости предполагает отказ от мирских привязанностей, забот и стремлений и выбор следования Христу, поста и молитвы как основы жизнедеятельности [Живов 1994: 81].

Духовное содержание житий во многом определяет важность целого комплекса задач, которые эти тексты выполняли. По мнению Н.С.Трубецкого, написание биографий святых ставит автора перед троякой задачей: во-первых, следует описать события жизни соответствующего святого – это задача биографическая; во-вторых, в этой жизни нужно выделить аспект поучения – это задача дидактическая; в-третьих, нужно сделать очевидным, что речь идет не об обыкновенном человеке, а о святом, – это задача панегирическая [Трубецкой 1995: 603–604].

Особую роль в выражении нравственно-религиозного идеала в агиографическом тексте играет лексика эмоций. Это обусловлено тем, что указания на психологические состояния человека, его чувства, эмоциональные отклики на события внешнего мира способствуют созданию

особой эмоциональной атмосферы повествования, делающей изображаемое более близким и понятным читателю, личностно переживаемым.

Предпринятое нами ранее исследование функционирования эмотивных лексем в древнерусских и старорусских житиях показало, что основной их функцией является характерологическая. В нашей работе под характерологической функцией языковых единиц понимается употребление их в речи (тексте) с целью описания и характеристики людей, предметов и явлений действительности [Дмитриева 2011, 2: 46]. Было установлено, что факторами, определяющими специфику реализации характерологической функции, являются: 1) статус характеризуемого субъекта (святой / обычный человек); 2) характер обозначаемой глаголом эмоции (положительная / отрицательная / нейтральная) и ее интенсивность (низкая / средняя / высокая); 3) причина эмоционального переживания.

Характерологическая функция эмотивной лексики в тексте жития может проявляться двояко: с одной стороны, читатель получает представление о тех или иных чертах персонажа и оценивает его исходя из демонстрируемых им чувств и эмоций, с другой стороны – сами эмоции могут получать ту или иную оценку, будучи соотнесенными с определенными субъектами. В первом случае речь идет об обычных людях – монахах или мирянах, во втором случае эмоциональные переживания образуют жесткую систему координат, связываясь либо с божественными проявлениями, либо с дьявольскими.

Так, в анализируемом тексте к основным нуминозным эмоциям могут быть отнесены боязнь, удивление, надежда и любовь: **БГѣ** же члкомъ ѿкрылъ стѣми книгами вса соблажненїя лѹкавагѡ дїавола, да не прелститъ **воящїхса** Бгѡ, чтѹщымъ стѣя книги (л. 6 об.)¹; ... како же молилъ **Двѣдъ**...: «**воящїхса** Тебѣ ѹзрятъ мя и возвеселятса, какѡ на словеса Твоя **ѹпова**» (л. 8); По семъ же глании вопїетъ къ **Бгѹ** **ѹдивляса**: «**Коль возлюбнхъ** законъ Твой, Гди, весь день поученїе мое есть» (л. 8).

При этом характеристика эмоции может меняться. Например, выступая в нейтральном контексте, глагол *бояться* является глаголом состояния, обозначающим протекание отрицательной, средней по интенсивности эмоции, относящейся к сфере субъекта, характеризующегося как конкретный, одушевленный. Однако когда речь идет о Страхе Божьем, он перестает обозначать отрицательную эмоцию: «страх, в разных модусах, постоянно присутствует в читательском восприятии жития. Но житийный страх не рабский, а подданнический, не болезнен, а сладостен, ведет к смирению и душевному миру и в этом смысле – очищает» [Берман 1982: 179–180].

¹ Здесь и далее контексты приводятся с указанием листов в круглых скобках по изданию: Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца / Российская гос. б-ка, Науч.-исслед. отдел рукописей; [публикатор, пер., сост., авт. М.С. Крутова]. М.: Пашков дом, 2013. 125 с.

Положительную оценку эмоции могут приобретать, выступая в дидактических фрагментах жития: О дѹше же прилѣжати ѡвѣщаетъ: «В *терпѣнїи* вашемъ стяжите дѹши ваша» (л. 11 об.), а также в описаниях святого: Преставшїи же безмолвникъ схимонахъ Корнилїи, сихъ словесъ совершитель и Црѣтвїа Бжїя искатель, о плоти своей попеченїя не имѣлъ питати и одѣвати дѹшѹ въ *терпѣнїи* стажалъ, міра сего не прїобрѣтилъ дѹши своея не ѡцѣтилъ, иска^а Црѣтвїа Бжїя и правды Бгѹ (л. 11 об. – 12).

Отрицательно характеризуются чувства, подсказываемые дьяволом: Мнози бо сѹть козни лѹкавагѹ дїавола, имиже ѹловла члѣки: швагѹ бо *гнѣвомъ* надымаетъ, а инагѹ *завистїю* ѹстрѣляетъ, инаго же на тадеѹ и швидѣти ѹчитъ, а инѣхъ на позоры и на игры кѹколныя, и на плесанїе побѹщаетъ, и гѹдочныє игры въ сладость привращаетъ, а инаго на пїянство и на блѹдъ *ласкаетъ*, а иныхъ на *гордшть* ѹстритъ и скѹпости ѹчитъ, а инагѹна кощѹны и на пѣсни злыя побѹчаетъ, а иныхъ лѣностїю шкрадаетъ, да быша къ црѣкви не приходили и рѹкодѣлїя бы не творили, а Писанїя бы Бжественагѹ не чли бы и не слѹшали, праздны пребывали во шбѹяденїи и пїянствѣ и во снѣ доволномъ, или бы ездили со ѹами и птицами *ѹвеселялися* в маломъ семъ времени, хотя ѹчинить на вѣки *плакатися* (л. 5 об. – 6 об.).

Таким образом, сопоставление с данными проведенного ранее анализа употребления эмотивных лексем в древнерусских и старорусских агиографических текстах, а также житиях синодального периода позволило выявить ряд общих особенностей использования лексики эмоций, характерных для русской житийной традиции в целом и нашедших отражение в рассматриваемом тексте.

Эмотивы выявляют существенные для понимания концепции автора смыслы, их употребление связано с реализацией характерологической функции. С их помощью агиографическим текстом задается определенная модель поведения человека, организуется особый эмоциональный фон, который может быть отнесен к топосам житийного текста, а в итоге реализуется нравственно-религиозный идеал.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-01009-ОГН «Отражение представлений о нравственном идеале в языке русской оригинальной агиографии XVIII–XX веков».

Литература

Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) / Б.И.Берман // Художественный язык Средневековья. – М.: Наука, 1982. – С. 159–183.

Владимир (Швец), архимандрит. Введение в агиографию: учеб. пособие / Владимир (Швец), архимандрит, С.Б. Сорочан. – Харьков: Майдан, 2015. – 264 с.

Дмитриева Е.Г. Функции эмотивной лексики в Повести о Петре и Февронии / Е.Г.Дмитриева, Э.Н.Акимова // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2. Языкознание. – 2011. – № 2 (14). – С. 45–49.

Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов / В.М. Живов. – М.: Гнозис, 1994. – 112 с.

Житие и подвиги преподобного отца нашего Корнилия Переславского чудотворца / Российская гос. б-ка, Науч.-исслед. отдел рукописей; [публикатор, пер., сост., авт. М.С.Крутова]. – М.: Пашков дом, 2013. – 125 с.

Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных / Т.Р.Руди // ТОДРЛ. – Т. 57. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.– С. 431–500.

Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / Н.С.Трубецкой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 800 с.

Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. – Т. 8: Святые Древней Руси / Г.П.Федотов; сост., примеч. С.С.Бычков. – М.: Мартис, 2000. – 268 с.